

УДК 811.161.1'373.21

*Л. Н. Гукова, Л. Ф. Фомина***ИЗУЧЕНИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НОМИНАЦИЙ НА УРОКАХ  
РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ**

*Статья посвящена изучению географических номинаций на уроках русской словесности.*

**Ключевые слова:** топонимика, ономастика.

Топонимика — лингвистическая наука, изучающая возникновение и функционирование географических названий. Она занимает пограничное положение на стыке географии, истории и языкознания и поэтому создает большие возможности для осуществления межпредметных связей в процессе изучения русского и иностранных языков. Действительно, любознательный ученик, для которого сегодня открыты широкие пути в мир путешествий, задаётся вопросом: а почему по-русски столица Франции называется *Париж*, а французы произносят *Пари* (фр. *Paris*); столица Австрии — *Вена*, в украинском *Відень*, а сами австрийцы называют ее *Вин* (нем. *Wien*) ? Таких вопросов при изучении карты может быть много, и лишь учитель-филолог обладает необходимыми лингвистическими знаниями, чтобы дать на них исчерпывающий ответ (или, во всяком случае, знает, где его искать). Так, словесник объяснит, что *Париж* своей формой обязан польскому языку (пол. *Paryż*), который оказался посредником между французским и русским языками при освоении этого топонима. Точно так же форма *Відень* обусловлена польским посредством, в то время как русское название столицы Австрии пришло из французского *Vienne* или итальянского *Vienna* [10: 1, 290], восходящих к названию находившегося здесь между I и V вв. н. э. римского военного лагеря (лат. *Vindobona*, связанное с кельтским «угодя Виндоса», где *Виндос* — кельтское имя). В V в. римляне оставили этот укрепленный форпост, а оставшееся население называло это поселение кельтороманским словом *Vedunia* или старогерманским *Venia* [1, статья **Вена**]. Отсюда разнообразие форм при заимствовании и освоении слова разными европейскими языками.

Топонимы — географические названия — отражают историю и этнический состав отдельных территорий, их географический ландшафт, миграционные процессы и многое другое. И поэтому сотрудничество учителей географии, истории и словесника может дать интересные результаты. «Не вызывает также сомнения и то, что, обращаясь к географическим названиям, учителя языка и истории получают большое новое поле деятельности для внеурочной и краеведческой работы по своим предметам. В ансамбле географ — филолог — историк одинаково важна активная, заинтересованная работа каждого участника», — писал видный ономастолог Е. М. Поспелов [6:119].

Не менее важная роль принадлежит топонимике и при изучении курса художественной литературы. Подчеркивая стилистическую роль топонимов в художественном тексте, О. И. Фоякова пишет: «Топоним вносит в повествование конкретность и динамизм, живость и достоверность в обрисовке сюжетных линий и пространственных представлений героев. Одни топонимы создают реальный фон для развития сюжета и композиции, локализируют место действия, изображенного в произведении, и вместе с другими средствами стиля способствуют реализации всех уровней композиции произведения. Другие — однократно употребленные в авторской или прямой речи — тоже выполняют яркие стилистические функции в построении речевой характеристики персонажей или изображения внутреннего мира героев» [11:89].

В публицистике и особенно в художественном тексте с его преобладающей эстетической функцией, наряду с нейтральными, традиционно оформленными номинациями, отраженными на географических картах, имеются различные типы экспрессивно окрашенных названий, отражающих авторское мировидение, художественные интенции и в целом «художественную картину мира». Это поэтические синонимы, перифразы, авторские окказиональные обозначения.

Поэтические синонимы создаются разными способами. Они могут представлять собой парадигму, элементы которой маркированы исторически как различные временные срезы в номинационном процессе одного географического объекта. Таковы *Царьград — Константинополь — Стамбул* или *Кириаландия — Карелия, Галлия — Франция, Троя — Илион, Петербург — Петроград*. Парадигматические отношения охватывают те названия, которые отличаются стилистически как книжно-поэтические и нейтральные номинации городов: *Одесса — Южная Пальмира, Петербург — Северная Пальмира, Москва — Белокаменная*.

Для учителя-словесника чрезвычайно важно соотнести представленное в

тексте имя (или его функциональные эквиваленты) с референтом. А интерес и затруднения читателя, в данном случае ученика, чаще всего связаны именно с семантизацией образных поэтических синонимов к топонимам, топонимическим перифраз и нуждающихся в идентификации описательных картин (дескрипций). Например, А. С. Пушкин нигде не даёт прямой номинации тому *безвестному селенью*, которое описательно семантизирует в стихотворении «Кирджали»: *В стенах зеленых Буджака, Где Прут, заветная река, Обходит русские владенья, При бедном устье ручейка Стоит безвестное селенье. Семействами болгары тут В беспечной дикости живут, Храня родительские нравы* (Кирджали) [Все примеры из произведений А. С. Пушкина даем по: 7]. Благодаря молдавскому краеведу В. В. Тымчишину [9:56] в словаре «Многоаспектная характеристика топонимов в творческом наследии А. С. Пушкина» мы восстанавливаем этот топоним как **Болград**, город и районный центр в Одесской области, где Пушкин побывал в 1821 г., путешествуя со своим кишиневским приятелем Липранди по Бессарабии [3:77].

Топонимическая перифраза — образная описательная конструкция, заменяющая топоним (первичную номинацию) и репрезентирующая какие-либо его устойчивые или индивидуально выделенные признаки с помощью его разных когнитивных составляющих [3:19]. Перифраза — важное изобразительное средство, служащее для большей выразительности и действенности текста. Например, для поэтического языка XIX — XX вв. характерно было называть описательно страну или город по водному источнику, на котором он расположен: *брегами Невы* Пушкин именует *Петербург*, *брегами Енисея* — Сибирь, *брегами Дуная* — Бессарабию, *городом на Неве* называли в XX веке Ленинград, *городом на склонах Днепра* сегодня называют Киев. Таких в большей или меньшей степени устоявшихся топонимических перифраз немало: *вечный город* — Рим, *столица мира* — Париж, *третий Рим* — Москва. Поэт Федор Глинка (1786—1880) создает для Москвы целую гирлянду перифраз: *Процветай же славой вечной, Город храмов и палат, Град срединный, град сердечный, Коренной России град!* (Москва) [8:105].

Для украинского ученика, несомненно, будут интересны перифразы топонима *Украина*. У Пушкина это — *наследие Богдана* в стихотворении «Бородинская годовщина» (*Куда отвинем строй твердынь? За Буг, до Ворсклы, до Лимана? За кем останется Волынь? За кем наследие Богдана?*), и *родная земля, родной рубеж* в «Полтаве» (*О милый мой, ты будешь царь земли родной!*), и *Земля казаков* в «Записках бригадира Моро

де Бразе» [3:343—344]. В современных украинских текстах исследователи отмечают большое разнообразие экспрессивных и перифрастических номинаций Украины. Среди них фольклорно-литературное *Ненька-Україна* (*Ой у лузі червона калина похилилася, Чогось наша Ненька-Україна зажурилася...*), *Українська держава*, *Українська Вітчизна* и даже *СШУ — Сполучені Штати України* (в романе В. Кожелянко «Дефіляда в Москві»). Они отражают высокую степень патриотизма, стремление к «самостійности», футурологические прожекты персонажей романа [4:98—99].

Типы топонимических перифраз художественного текста разнообразны, но по структуре сводимы к следующим классам:

1) Перифраза строится из имен нарицательных, но отсылает к имени собственному — топониму, который замещается в данном отрезке текста: например, у Пушкина *юный град*, *младший брат* — «С-Петербург», *дальний град* — «Рим», *тихий град отцов* — «Финляндия» и др. *Прошло сто лет, и юный град, Полночных стран краса и диво, Из тьмы лесов, из топи блат Вознесся пышно, горделиво* (Медный всадник) [7, 1У:393]; *И все несчастный тосковал, бродя по берегам Дуная, Да горьки слезы проливал, Свой дальний град вспоминая* (Цы- ганы) [7, ГУ215].

2) Перифраза имеет в своем составе имя собственное (антропоним или топоним), но отсылает к другому ИС-топониму: *небо Шиллера и Гете* — «Германия», *небо Торквата* — «Италия»; *Приамов град* — «город царяТрои Приама», т. е. Троя. *Под небом Шиллера и Гете их поэтическим огнем душа воспламенилась в нем* (Евгений Онегин, гл. 2, ст. IX;) [7, V: 40]; *Пал Приамов град священный* (В. А. Жуковский, Торжество победителей) [8: 50]; *Небо Италии, небо Торквата, Прах поэтический древнего Рима, Родина неги, славой богата, Будешь ли некогда мною ты зрима?* (Е. А. Баратынский, Небо Италии...) [8:123].

3) Третью группу топонимических перифраз образуют такие конструкции, в которых главное слово — имя нарицательное — называет один из когнитивным признаков именуемого географического объекта, а зависимое является формой косвенного падежа исходного ИС (*скалы Кавказа* — «Кавказ», *башни Казани* — «Казань», *Терека вал* — «Терек»).

Например, *Как часто по скалам Кавказа Она Ленорой, при луне, Со мной скакала на коне!* (Евгений Онегин; гл. 8, ст. IV) [7, IV: 166]; *Оттоль сорвался раз обвал, И с тяжким грохотом упал, и всю теснину между скал Загородил, И Терека могущий вал Остановил* (Обвал) [7, 111:138]. Перифразируемую информацию могут содержать и оттопонимические прилагательные (*Российская земля* — «Россия», *днепровские волны* —

«Днепр», *очаковские стены* — «Очаков»). Например, у М. В. Ломоносова: ... *что может собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов российская земля рождать* (Ода на день восшествия на престол Елисаветы Петровны, 1747 года) [8:11]; или у Г. Р. Державина: *Огонь, в волнах неугасимый, Очаковские стены жрет* (Осень во время осады Очакова) [8:22]. (Подробнее о топонимической перифразе см.: [2]).

Несомненно, привлекая внимание учащихся к разнообразным способам номинации географических объектов, поясняя их текстовый смысл и этимологию, учитель-словесник расширяет представление о выразительных возможностях языка, скрытых «обертонах смысла» художественного текста и словесном мастерстве великих языковым личностей. Но, как нам представляется, сегодня нельзя пройти и мимо тех новообразований в топонимической номенклатуре, которые широко выплеснулись в речевую коммуникацию молодежи, как полагает Е. С. Отин, из жаргонной речи с характерной для нее «тенденцией к максимальному «сжатию» звуковой оболочки небрежно и торопливо произнесенного слова» [5:198]. Это экспрессивно окрашенные номинации, образованные путем усечения официальных форм: *Алекс* (Александров), *Долгон* (Долгопрудный), *Днепр* (Днепропетровск), *Севас* и *Севаст* (Севастополь), *Симф* и *Симфер* (Симферополь). Мы, однако, не склонны драматизировать ситуацию и считаем, что употребление таких неофициальных форм характеризует сферу непринужденного общения и атмосферу благожелательности — скорее всего с установкой на шутливую тональность.

По выражению Е. А. Земской, человек является настоящим героем современного словообразования. И этот человек — лингвокреативная личность. Создавая экспрессивные топонимы, он шутит, иронизирует, острит, ёрничаёт, зло насмешничает, словом, погружается сам и погружает пользователя этими дериватами в мир смехового очеловечивания окружающей действительности. Смеховой эффект достигается разнообразными способами: изменением и перестановкой звуков — *Краснодыр* (Краснодар), *Тарабары* (Татарбунары); переделкой, основанной на ассоциативной связи с другими географическими именами — *Барнео* (Барнаул), *Лохнесса* (Одесса); усечением с суффиксацией — *Зелик* (Зеленоград), *Златик* (Златоуст), *Ижик* (Ижевск), *Мурик* (Мурманск), *Марик* (Мариуполь); различными усложнениями производящей базы — *Сан-Харцызско* (Харцызск), *Брос-Анджелес*, *Сафьян-Франциско* (названия сел Одесской области — Броска и Сафьяны).

Аккумулированная в подобных названиях смеховая стихия языка, так импонирующая молодежи, отражает, на наш взгляд, духовное здоровье тех,

«кто может первым посмеяться над собой», а значит — духовное здоровье русских и украинцев. И вместе с тем в экспрессивно-стилистическом топонимиконе как своеобразном адеквате действительности просматриваются жизненные реалии и проблемы: лица современных политических деятелей (*Ельцинбург* — Екатеринбург, где родился Б. Н. Ельцин, *Санкт-Путинбург* — Петербург, родной город В. В. Путина), межэтнические отношения (*Басурманск* — Казань). Безусловно, глубокую озабоченность жителей промышленных городов вызывает их экологическое неблагополучие, нашедшее отражение в трагикомических наименованиях *Днепродым*, *Днепропыльдымск* (Днепродзержинск), *Некропетровск* (Днепропетровск), *Крематорск*, *Крематоровка* (Краматорск). В целом же юмористически трансформированные топонимы в своем семантическом содержании воплощают идею запущенности, захолустности, неустроенности многих городов и городишек на постсоветском пространстве.

Таким образом, современный русский язык (в широком понимании этого термина) дает широкую палитру способов номинации географических объектов, от нейтральных, отраженных на географической карте и тоже интересных в лингвистическом отношении, до экспрессивно окрашенных литературных и внелитературных обозначений. Молодежный жаргон — языковой факт, языковая данность. И роль учителя заключается в том, чтобы у учеников формировалась четкая дифференциация различных стилистических пластов национального языка, понимание противопоставленности книжной и разговорной речи, уместности употребления тех или иных языковых средств в зависимости от конкретной сферы общения, что способствует в целом повышению речевой культуры учащихся.

### Литература

1. Википедия. Свободная энциклопедия. Электронный ресурс
2. Гукова Л. Н. Топонимическая перифраза: введение в проблематику / Л. Н. Гукова, Л. Ф. Фомина //— 2006. — № 1. — С. 7280.
3. Гукова Л. Н. Многоаспектная характеристика топонимов в творческом наследии А. С. Пушкина: Словарь. Пособие для учителя / Л. Н. Гукова, Л. Ф. Фомина. — Одесса: Астропринт, 2008. — 292 с.
4. Максимюк М. В. Особливості функціонування топонімів у романі В. Кожелянка «Дефіляда в Москві»/ М. В. Максимюк //— 2006. — № 1. — С.97-103.
5. Отин Е. С. «Все менты — мои кенты...» (Как образуются жаргонные слова и выражения) / Е. С. Отин. — Изд. 2-е, испр. и доп. — Донецк: Юго-Восток,

2010. — 228 с.
6. Поспелов Е. М. Топонимика в школьной географии: Пособие для учителей / Е. М. Поспелов. — М.: Просвещение, 1981. — 144 с., карт.
  7. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. — М.: Изд-во АН СССР, 1962- 1966.
  8. Три века русской поэзии / Сост. Н. В. Банников. — Изд. 3-е. — М.: Просвещение, 1986. — 750 с.: ил.
  9. Тымчишин В. В. Пушкин в Молдавии. / В. В. Тымчишин. — Кишинев: Тимпул, 1979. — 80 с.
  10. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка в 4 т. / Макс Фасмер. — Изд. 2-е, стер. — М.: Прогресс, 1986. — Т. 1.
  11. Фоякова О. И. Имя собственное в художественном тексте: Учебное пособие / О. И. Фоякова. — Ленинград: ЛГУ, 1990. — 104 с.

*Гукова Л. М., Фоміна Л. Ф.*

**ВИВЧЕННЯ ГЕОГРАФІЧНИХ НАЗВ НА УРОКАХ РОСІЙСЬКОЇ МОВИ**

*Стаття присвячена вивченню географічних назв на уроках російської мови.*

**Ключові слова:** *топоніміка, ономастика.*

*Gukova L. N., Fomina L. F.*

**THE STUDYING OF GEOGRAPHICAL NAMES AT THE LESSONS OF THE RUSSIAN LANGUAGE**

*The article is dedicated to the studying of geographical names at the lessons of the Russian language.*

**Key words:** *toponymy, onomastics.*